

II

Городцовские Чтения

Институт истории и географии

Василий Алексеевич Городцов
(1860–1945)

Труды Государственного Исторического музея
Выпуск 145

II Городцовские чтения

Материалы научной конференции,
посвященной 100-летию
деятельности В.А.Городцова в ГИМ.
Апрель 2003 г.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
И.В.Белоцерковская

Москва
2005

В.Е.Круглов

Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени

СЛОЖНОСОСТАВНЫЕ луки восточноевропейских кочевников хазарского времени А.М.Савин и А.И.Семенов предложили различать на основе методики, разработанной венгерским этнографом К.Шебештьеном – не по количеству произвольно сохранявшихся жестких роговых накладок, а по глубоким конструктивным особенностям их изготовления и сборки. Исследователи выделили две основные технологии изготовления этого оружия (Савин, Семенов, 1989; 1990; 1991; 1992 а; б; в; 1995; 1997; 1998; 1999; Семенов, 1988; 1996). Но в последнее время данная тематика перестала разрабатываться, а высказанные идеи остались далеки от завершения.

Для жестких роговых накладок, сохранявшихся от сложносоставных луков I технологии, по А.М.Савину и А.И.Семенову, был характерен устойчивый внешний вид и четко продуманная система нанесения на лицевую поверхность тонких сетчатых насечек, способствовавших фиксации сухожильной обмотки. Срединные боковые накладки рукоятей луков имели выраженные трапециевидные формы. Насечками покрывались не только срезавшиеся под острым углом передние фронтальные грани, но и края лицевых сторон, возвышавшиеся на 0,1–0,2 см над центром пластин. Концевые боковые имели размеры 21–27×1,0–2,2 см и были плавно изогнуты в нижней трети своей длины. Внешний край этих накладок – округлый. Расстояние от края до выреза для тетивы не превышало наибольшей ширины пластин. Помимо максимального возможных шести боковых, для луков I технологии характерно использование прямоугольных срединных и треугольно-клиновидных концевых тыльных роговых фронтальных пластин, накладывавшихся на торцевые стороны срединных и концевых боковых и кибить. Общая длина лука составляла 1,65 м. Варианты различаются по размерам накладок рукояти и комплектности накладок края.

I–А. Со срединными боковыми (размеры 27–32×2,6–3,2 см) и тыльными фронтальными (длина 19–21 см):

1. Со срединными и концевыми боковыми, тыльными срединными и концевыми (Авиловский, 1; Комсомольский, –/12; Матюхин Бугор, –/12; Ново-Биккино, 1; Рисовое, 13/12; Сивашовка, 3/2; Таганский, –/2; Христофоровка, 7/12) (рис.1, 9–13; 2, 5–12, 15–23).

2. С одними срединными (Виноградное, 35; Красногоровка III, 14/2; Старица, 7/8) (рис.1, 14–15; 2, 13–14).

I–Б. Со срединными боковыми (размеры 19–21×2,6–3,0 см) и тыльными фронтальными (10–14 см):

1. Со срединными и концевыми боковыми, тыльными срединными и концевыми (Виноградное, 5; Клин-Яр III, 29; Манякский, –/1) (рис.3, 1–11; 4, 1–10).

2. Со срединными боковыми, концевыми тыльными и передними (Сидоры, 34) (рис.5, 1–5).

3. С одними срединными (Жирноклеевский, 6/кенотаф коня; Новинки II, 17) (рис.5, 6–8, 6, 1–3).

I–В. С концевыми боковыми (Верхнепогромное I, 1/12; Ильичевское городище; Манас; Сердика; Танаис) (рис.2, 2–4; 3, 13–19).

Края лицевых сторон, острые грани срединных боковых, плечевые края и острые грани концевых боковых накладок луков II технологии также покрывались насечками. Но края их лицевых сторон углублялись относительно центра, отделяясь от него уступом. Это способствовало не только более жесткой фиксации жильной обмотки, но и позволяло избегать ее выступания на поверхности. Срединные боковые пластины данных луков более дуговидны. Концевые боковые имели изгиб в верхней трети своей длины. Их размеры аналогичны размерам соответствующих накладок луков I технологии. Вырез для тетивы располагался у них на расстоянии более, чем в два раза превышающем ширину пластин. В отличие от луков I технологии, концевые и срединные тыльные пластины II не накладывались, а зажимались между оборотными сторонами боковых, ширина которых превышала кибить. Срединные тыльные пластины для этого оружия не характерны. В основном использовались два вида фронтальных концевых: ассиметричные тыльные клиновидно-треугольные и узкие передние накладки-челноки с поперечными вырезами для тетивы. Концевые боковые, как правило, сочетались с концевыми тыльными, последние могли использоваться также и с челноками. Конкретные варианты также выделяются по размерам накладок рукояти и комплектности накладок краев.

II–А. Со срединными боковыми (размеры 16–20×2,6–3,0 см):

1. Со срединными боковыми и тыльными (Дубовый, 2; Керчик, 27).

2. Со срединными боковыми (Брусяны II, 16/6; Вербовый Лог IX, 3; Верхнерубежное I, 2; Котельниково II, 10; Кривая Лука IX, 12; Новосадковский, 27; Чиков, 27/1).

3. Со срединными боковыми и концевыми тыльными (Вербовый Лог IX, 3; Кушцын Толга, 14; Первомайский VII, 27; Саловский IV, 2/1; Центральный VII, 6; Четыре Брата, 14; Чир Юрт, 5, 20).

4а. Со срединными боковыми, концевыми тыльными и передними (Дмитриевский. –/106; Новосадковский, 8; Типки, 1).

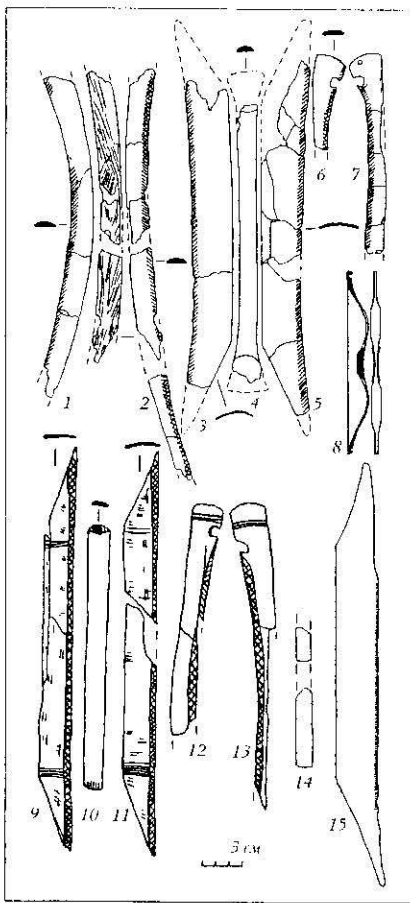

Рис. 1. Накладки сложносоставных луков:
1-8 - Усть-Альминский могильник, склеп 635; 9-13 - Риповое, к. 13, п. 12; 14-15 - Старица, к. 7, п. 8

4б. Со срединными боковыми и концевыми передними (Осшювка III, 7/1).

5. Со срединными и концевыми боковыми (Скалосток, -/575; Три Брата I, 18).

II-Б. Со срединными боковыми пластинами (размеры 12-18,0х2,2-2,6 см).

1а. Со срединными и концевыми боковыми (Веселовский I, 6; Пивиченское городище, помещение VIII, Кривая Лука XXVII, 5; Новоаксайский, 28).

1б. С концевыми боковыми (Западная, 3; Красная Горка, -/264; Петрушино II, 7).

2а. Со срединными боковыми, концевыми боковыми и тыльными (Житков II, 4; Захаров, 1; Кли-

ровский V, 3; Нагаевский II, 3; Новоаксайский, 13, 25; Обозное, 2/1; Ордынский Бугор, 4; Романовский I, 1; Саловский, 1/2; Советская Россия I, 6; Соколовский, 8, 11; Тамар Уткуль, 3; Терновский II, 12).

2б. С концевыми боковыми и тыльными (Высочино VII, 25).

3. Со срединными боковыми и концевыми тыльными (Дружба, 3).

II-В. Со срединными боковыми (размеры 11-13,5х2,8-3,0 см).

1. С одними срединными боковыми (Дмитриевский, -/5; Сухая Гомольша).

2. Со срединными и концевыми боковыми, концевыми тыльными и передними (Золотая Нива, 1/1, 1/2; Казавоо, -/192; Лбище, -/12).

3а. Со срединными боковыми, концевыми тыльными и передними (Дмитриевский, -/169; -/173; Красная Горка, -/293; Маяцкое, -/18, -/помещение 28, -/30).

3б. С концевыми тыльными и передними (Красная Горка, -/150, -/216, -/233, -/254, -/282; Кировский V, 2; Красноармейский IV, 2/13; Старосалтовский, -/12; Сухая Гомольша).

3в. С концевыми тыльными (Дмитриевский, -/140; -/143).

Несмотря на то, что типы луков II-А-Б и II-В довольно сильно отличаются друг от друга, выделяются и явно общие формы (II-А-4а, 6; II-В-2), сочетающие концевые боковые обкладки с тыльными и передними концевыми или оба вида концевых фронтальных с характерными для II технологии срединными боковыми. Очевидно, это позволяет рассматривать данные типы оружия в рамках одной технологии.

Сложносоставные луки I технологии А.М.Савин и А.Н.Семенов называли «гуно-болгарскими» и связывали с населением Великой Болгарии. Луки II-й они именовали «хазарскими» (II-А-Б) и «сартовскими» (II-В), связывая их с населением Хазарского каганата. Исследователи полагают, что обкладки I и II технологии никак не связаны между собой (Савин, Семенов, 1989, С.105; 1995, С.75) и не допускали возможности существования между ними каких-либо переходных форм (Савин, Семенов, 1992 а. С.79; 1999, С.28). Причиной смены технологии изготовления оружия они считали изменения этнического состава населения восточной Европы - «переход политического господства от болгар к хазарам, возглавляемых тюркотами», «смену болгар хазарами» (Савин, Семенов, 1991, С.6; 1998, С.293-294).

С самого начала разработки вопроса (Семенов, 1988, С.104-105. Рис.4а, XII, 108-109; рис. 8) было очевидно, что археологические памятники с разными конструкциями сложносоставных луков имеют разную относительную хронологию. Остатки луков I технологии встречаются только в погребениях с пряжками и бляхами геральдического стиля (Авиловский, 1; Виноградное, 5, 35; Калининская, 50/3; Манас; Манянский, -/1; Матюхин Бугор, -/12; Новоковка, 4, 9; Ново-Блжико, 1; Риповое, 13/12; Синяшовка, 3/2; Христофоровка, 7/12), что, однако, позволяет связывать их не

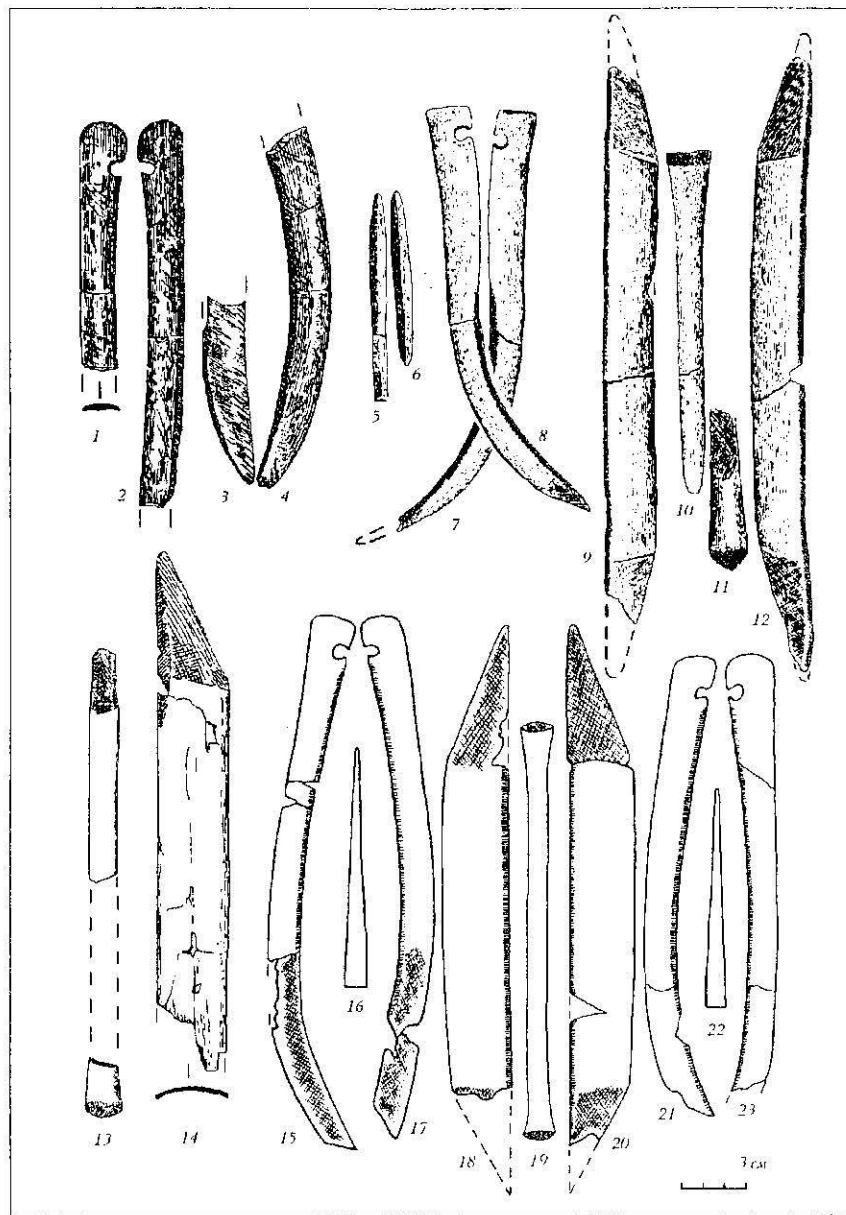

Рис. 2. Накладки сложносоставных луков:
1-4 - Верхнепогромное I, к.1, п.12; 5-12 - Ново-Блжикский курган;
13-14 - Виноградное, к.35; 15-23 - Авиловский, к.1

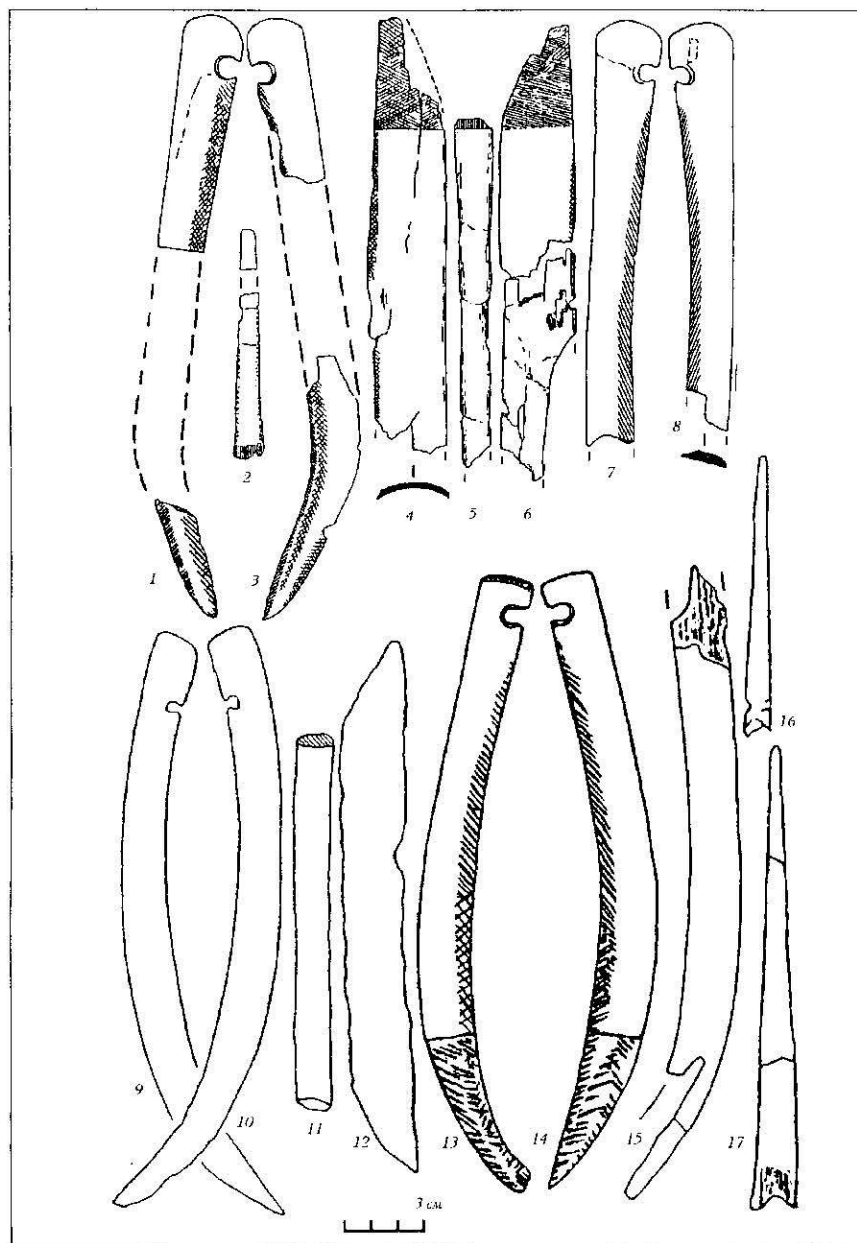

Рис.3. Накладки сложносоставных луков:
1-8 - Виноградное, к.5; 9-11 - Манакский, п.1; 13-14 - Иальчевское городище; 15-17 - Калининская, к.30, п.3

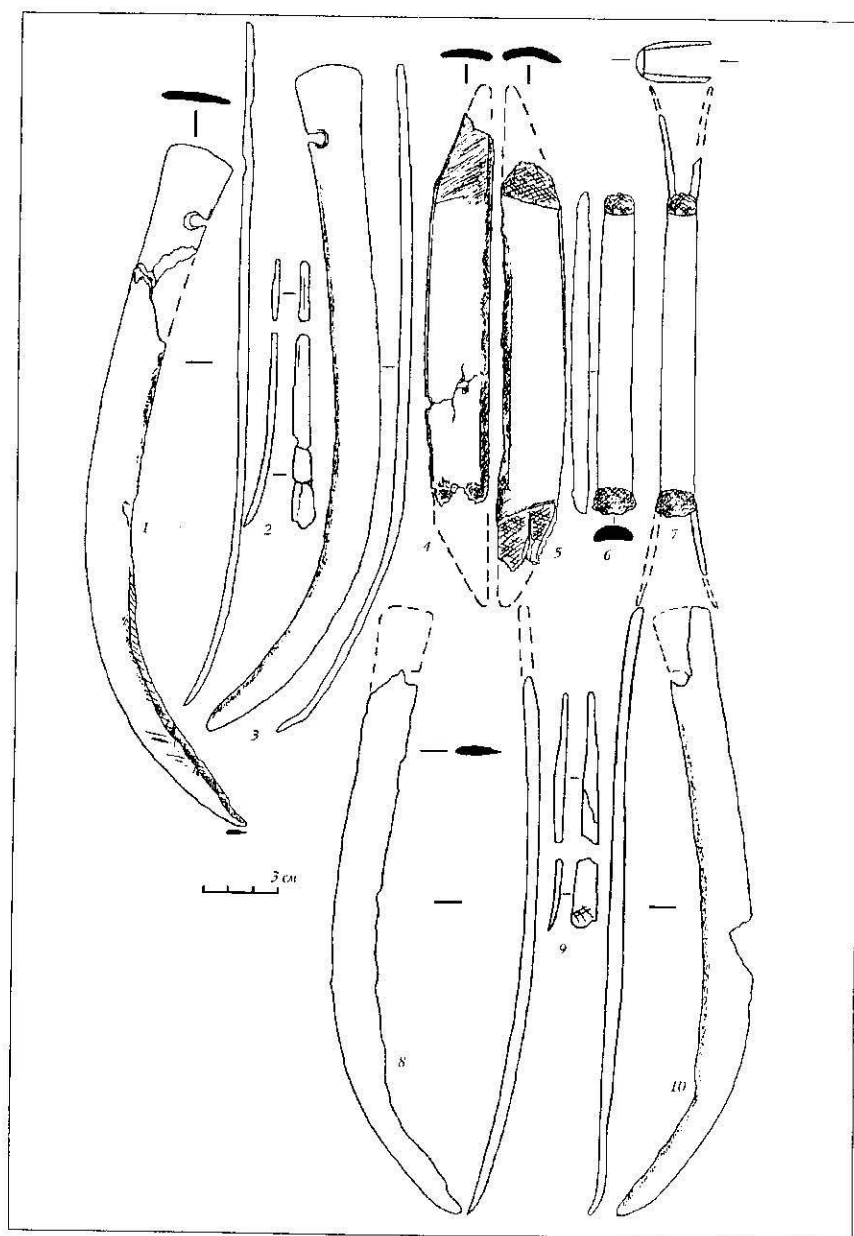

Рис.4. Накладки сложносоставных луков из:
Клин - Яра III, катакомба 29

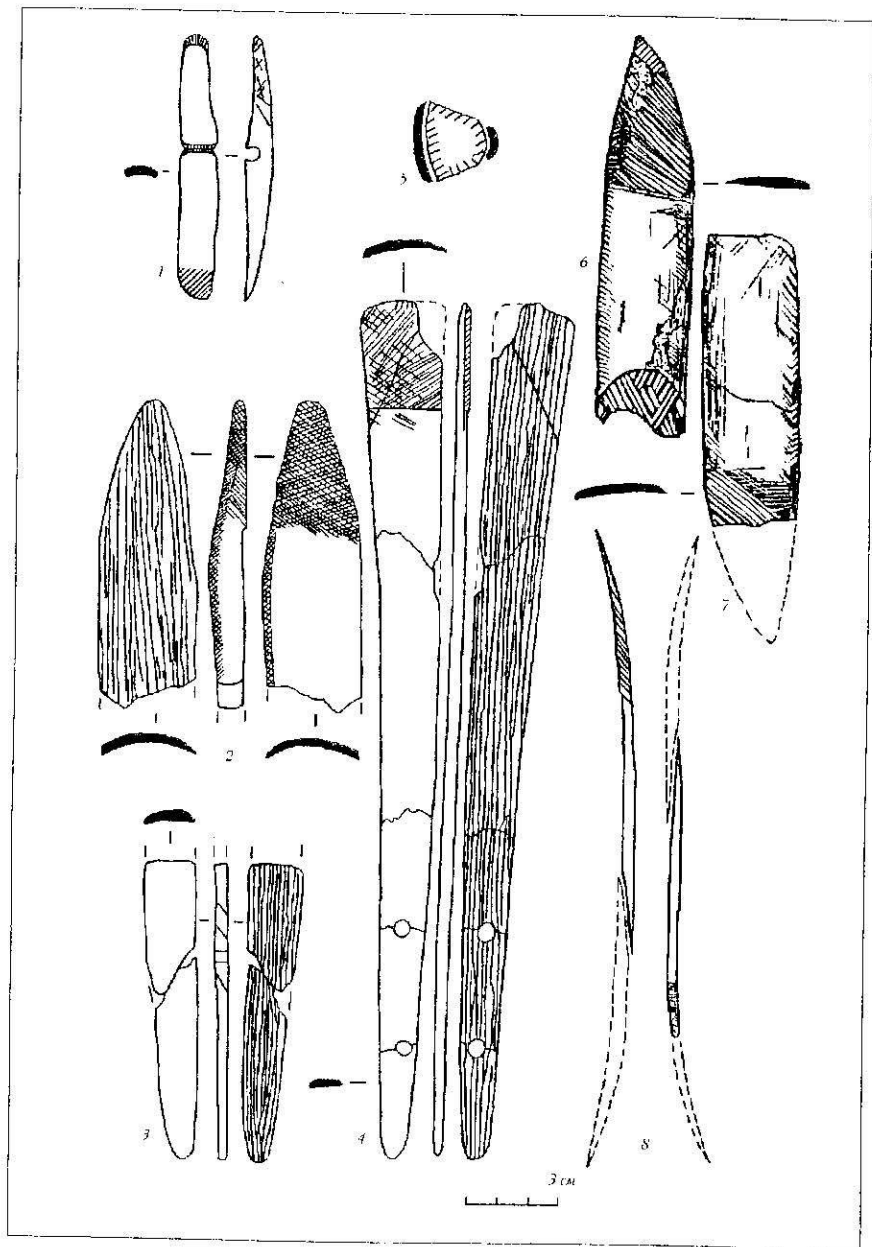

Рис. 5. Накладки сложносоставных луков: 1-5 - Сидары, к. 34; 6-8 - Новичин II, к. 17, п. 1

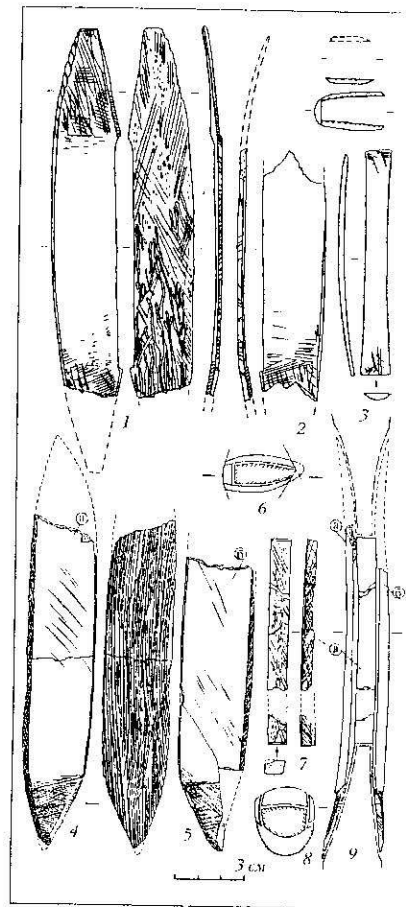

Рис. 6. Накладки сложносоставных луков: 1-3 - Жирноклевский, 6/базаронинские коня; 4-9 - Керчи, к. 27

только со временем существования Великой Болгарии (30-40-е годы VI в.), но также и с ранней историей Хазарского каганата - второй половины VII в. Верхнюю дату бытования оружия этого типа, рубеж VII-VIII вв., определяет инвентарь катакомбы 29 грунтового могильника Клин-Яр III (Федоров, 2000. С. 45). «Хазарские» варианты луков II технологии встречаются, как правило, в погребениях или синхронных ранним памятникам салтово-маяцкой культуры (Пашталева, 1999. С. 121-129, 196-204). Сопровождаемые частыми находками византийских солидов и арабских дирхемов 674-

761 гг. (Житков II, 4; Чапалский II, 3; Ордынский Бугор, 4; Петрушино II, 7; Подгорненский IV, 2; Садовский, 1/2; Садовский IV, 2/1; Соколовский, 11), они датируются временем не ранее начала и не позже конца VIII в. Ко второй половине VIII - началу IX в. относятся «салтово-маяцкие» варианты луков II технологии, датированные дирхемом 777/778 гг. из Красноармейского IV, 2/13 и материалами салтово-маяцкой культуры.

Таким образом, не позднее самого начала VIII в. в степях Восточной Европы действительно имел место переход от использования луков одной технологии изготовления к другой. Исследование конкретных особенностей этого перехода, сопровождавшегося изменениями широкого круга этнокультурных характеристик погребальных памятников степных кочевников, вызывает повышенный интерес. Принимая методику изучения остатков сложносоставных луков, предложенную А.М. Савиным и А.П. Семшовым, объяснение причин и условий появления, распространения и использования отдельных вариантов данного стрелкового оружия представляется мне несколькими иными (Крушев, 2003 а, б, в, г).

По мнению исследователей, восточносаронские луки I технологии генетически восходят к оружию кочевников туниского времени. Однако сходство между этим ранневековым оружием чисто внешнее и не идет дальше традиции использования жестких роговых накладок, изготовлявшихся совершенно по-разному. Тонкие средние боковые пластины луков из Кубей, Кызыл-Адыра, Покровска, Ровного (Засекал, 1994. Табл. 29, 4, 31, 4, 10-14, 36; 47, 11) и Царева (Мисков, 1993. С. 77, 80-82. Рис. 5, 2-3) имели овальные очертания. Их размеры, судя по накладкам из Кызыл-Адыра, не превышали 24x2-2,4 см. Массивные кощевые боковые имели специфическое трапециевидное расширение внешнего края, а длина их, судя по накладкам из Кубей, достигала 39 см. Мелкие когие насечки хаотично покрывали от трети до половины ширины лицевых сторон этих пластин, толщина которых оставалась постоянной, а края не выделялись. Не использовались в туниское время и фронтальные накладки.

Близкими к оружию второй половины VII в. являются остатки накладок двух луков первой половины VI в. из склепа 635 Усть-Альминского могильника в Крыму (рис. 1, 1-8) (Турдровский, Зайцев, Никольский, 1999. С. 200) и погребения кургана 19 могильника «Западные могилы» Николаевского района Волгоградской области (Скворцов, 1999. С. 27-28). Общее устройство конструкции и специфическое расширение внешнего края кощевых боковых пластин говорят о сохранении основных традиций туниского времени. Применение средних боковых трапециевидных накладок (размеры рукояти 32x3,2 см), использование срединной тыльной, или в нижней трети длины кощевых боковых - прищипки оружия раннехазарского времени. Вместе с тем отсутствие кощевых тыльных пластин, сетчатых насечек и перфораций толщины на края широких, но сравнительно еще очень тонких срединных боковых накладок, совершенно не

характерно для луков второй половины VII в. Это позволяет выделить указанные находки в особый «огуро-савирский» тип сложных луков, отличный не только от синхронных «хуннских», но и от более поздних форм. Специфические особенности усть-альминских пластин позволяют сравнивать их с оружием оседло-скотоводческого населения когельской культуры Тувы I–V вв. (Худяков, 1986. С.64–68, 85. Рис.22–24, 34), что может оказаться решающим в определении исходного района миграции в Восточную Европу на рубеже V–VI вв. огуро-савирских племен.

Значительный хронологический и конструктивно-технологический вакуум не позволяет говорить о непрерывном и поступательном развитии восточноевропейского стрелкового оружия V–VI и второй половины VII–VIII вв. Специфические конструктивно-технологические особенности оформления лицевых поверхностей роговых накладок луков казарского времени, использование фронтальных пластин и применение особых схем сборки отражали более широкие территориальные связи и более совершенную ступень развития военного искусства. Хотя их рукояти также близки к когельскому оружию I–V вв. Тувы (Худяков, 1986. С.64–68, 85), концевые боковые пластины копируют накладки луков кенкольской культуры Тянь-Шаня V–VII вв. (Кожалбердиев, Худяков, 1987. С.79. Рис.1, 1, 3–4, 6), а использование концевых тыльных связывает их с наиболее ранними формами «тюркских» луков (Худяков, 1986. С.139–143). Появление в Восточной Европе подобного оружия следует считать результатом не случайного заимствования, а прямой инфильтрации центрально-азиатского населения.

К сожалению, погребальные памятники восточноевропейских кочевников VII в. до сих пор не удается этнически идентифицировать с необходимой для этого достоверностью. Любая попытка их интерпретации определяется на уровне малоубедительных гипотез и сомнительных предположений. Обнаружение остатков луков I технологии на Южном Урале в Ново-Биккинском кургане в комплексе с кушнаренковской керамикой (рис.2, 5–12), а также на Северном Кавказе в аландской катакомбе могильника Клин-Яр III (рис.4) опровергает предположение А.М.Савина и А.И.Семенова об исключительно болгарской этнической атрибуции пользователей данного оружия и их связи лишь с погребениями сивашовского типа. В связи с этим, использование термина «гунно-болгарский» для именования сложностовых луков Восточной Европы I технологии представляется неадекватным ни археологической, ни исторической ситуации. Степные луки Восточной Европы I технологии, учитывая их несомненное восточное происхождение, а также в целях терминологического отличия от «гунно-хуннского» оружия, предпочтительно именовать «тюрко-казарскими» или «раннеказарскими» (Круглов, 2003 а; б; в; г).

Широкое распространение в степях Восточной Европы имели и луки II технологии. Они встречены не только в погребениях соколовского типа,

но и в классических алано-болгарских древностях салтово-маяцкой культуры и даже в погребении печенего-огузского облика (Тамар Уткуль, 3). Видимо, использование сложностовых луков в степях Восточной Европы и в VIII в. не было ограничено узкими рамками каких-то одних групп кочевое население и имело надэтнический характер.

Поскольку казары и болгары к VII в. в равной мере являлись коренными жителями Восточной Европы, возможность прилива на эту территорию инородного населения допустима лишь для ситуации середины VII в., когда представители сакрализованного центральноазиатского тюркоязычного рода Ашина стали каганами казар. Но инфильтрация вместе с ними в Европу некоторой части западных тюрков вряд ли сопровождалась резкой «сменой» этнического состава всего населения этого региона, в своей основе продолжавшего оставаться ирано-угорским. Речь может идти лишь о тюркизации наиболее кочевой и воинственной его части, начавшей последовательную и успешную борьбу за установление политической гегемонии в степях Восточной Европы.

Синхронность выпадения большого количества разновариантных, но в целом достаточно однотипных памятников сивашовско-перещепинского круга на Южном Урале, Волге, Кубани, в Северном Причерноморье, Крыму, на Кавказе и даже в Закавказье наиболее реально объясняется установлением на всей этой территории государственной гегемонии Хаазарского каганата (Круглов, 1991; 1992 а; б; в; 2002). Только тюрко-казары, являясь господствующей этносоциальной прослойкой, могли выполнять военно-административные функции на всей территории этого региона. Во второй половине VII–VIII в. именно они играли в истории гораздо более значимую и весомую роль, чем болгары, потерпевшие в середине VII в. сокрушительное поражение от казар. Немногочисленные тюркюты в VII в. были основными носителями передовых военно-стратегических технологий свразийских степей.

Сокращение к рубежу VII–VIII вв. возможной паразитического существования за счет беспорядочных набегов с целью получения военной добычи и установление в степях Восточной Европы экономической стабильности приводит тюрко-казар к «обретению родины» – закреплению на более узкой территории. Отражением этого процесса становится формирование в Хаазарском каганате общегосударственной идеологии и культа поклонения Тенгри-хану на небе и его живому воплощению на земле – казарскому кагану (Идго, 1985. С.18–27, 1986. С.18–19). В археологии это проявилось в трансформации памятников сивашовского типа и появлении на основе некоторой их части памятников соколовского типа с концентрацией последних на левобережье Нижнего Дона, преимущественно в бассейнах рек Маныча, Сала и Аксай, а также в северных районах Сарпинской низменности.

Условия обнаружения многочисленных остатков луков свидетельствуют о том, что они довольно часто были сломаны еще до попадания в землю.

Вероятно, наиболее ранние луки «тюрко-казарского» типа по причине своих довольно больших размеров оказывались мало пригодными для использования в степях Восточной Европы. Общее направление их эволюции проявилось в уменьшении длины накладок рукоятей: срединных боковых с 32 см (I–А, более ранние) до 20–22 см (I–Б, более поздние), срединных тыльных с 22 см (I–А) до 10 см (I–Б). Сама же эволюция оружия может быть объяснена адаптацией пришлого центральноазиатского населения к условиям более аридного климата степей Восточной Европы.

Уменьшение рукояти «тюрко-казарских» луков должно было сопровождаться обязательным сохранением их мощности. Этого можно было достичь или увеличением ширины срединных боковых роговых пластин, или усилением толщины их центра. Первое технологически ограничивалось возможностями исходного сырьевого материала и применялось, видимо, довольно редко*. Второе же фактически означало осознанный переход к применению «казарской» технологии, для которой как раз и была характерна относительно большая толщина центра пластин, а не их краев. Поскольку уменьшение общей длины лука в момент натягивания тетивы неизбежно увеличивало натяжение краев, это однозначно требовало и их реконструкции. Необходимо было, сохраняя мощность центра, увеличить гибкость, эластичность и сопротивляемость концов лука. Достичь этого можно было несколькими путями: увеличением ширины концевых боковых накладок, заменой концевых боковых концевыми фронтальными, полным отказом от использования жестких концевых пластин. Поскольку все подобные формы существовали вполне реально, изучение особенностей эволюционного прехода «тюрко-казарских» луков в «казарские» приобретает принципиальное значение.

Комплект накладки из Клин-Яр III (рис.4) иллюстрирует завершение 1-й линии технологического развития «тюрко-казарских» луков: Комсомольский (Ново-Биккино) – Авилковский – Виноградное, 5 – Клин-Яр. По количеству пластин, использованных в этой конструкции, авторы ракопок в качестве аналогии ей определили авилковский лук (рис.2, 15–23) (Федорова, 2000. С.156–157). Системы сборки накладок у них действительно одинаковые, «тюрко-казарские». Концевые боковые и оба вида тыльных пластин также близки друг другу. Между тем максимальная ширина концевых боковых накладок кавказского лука (2,8 см) превышает соответствующие показатели практи-

* Один из подобных луков обнаружен в погребении 13/5 могильника Новички II (технология неясна, размеры рукояти 15,7х3,4; – Матвеева, 1997. С.27, 162. Рис.64, 3). Специфический состав поясного набора, сочетающий штампованные и литые изделия с растительным орнаментом, из расположенного рядом впускного погребения 13/2 связан с горизонтом Иднат–Геленовка (725–740 гг.) (Комар, 1999. С.121–128). Окруженные материковым выкидом погребения 13/1, 13/4 и 13/5 были основными, что позволяет датировать их первой четвертью VIII в.

чески всех аналогичных пластин не только «тюрко-казарских», но даже и «казарских» луков (1,8–2,2 см). Принципиально разными оказываются и их рукояти. Длина срединных боковых накладок донского оружия равна 22–24 см, тыльной – 19 см, общая длина его рукояти 27 см (Синицын, 1954. С.232–233). Срединные боковые кавказского лука имели размеры 16–17 см, срединная тыльная – 13 см. Общая длина его рукояти не превышала 20 см, что само по себе свидетельствует лишь о разной хронологии памятников. Но срединные боковые накладки из Клин-Яра имели меньшую ширину (2,6 см) и большую дуговидность. Их края, покрытые насечками, были углублены относительно своего центра, что характерно для технологии иного, «казарского» типа**. Таким образом, именно уменьшение рукояти способствовало появлению нового способа изготовления срединных боковых накладок. В данном конкретном случае это потребовало существенного усиления концевых боковых накладок, но еще не привело к одновременному изменению системы сборки всего оружия и полному изменению технологии. Примечательно, что внесение корректив в изготовление концевых боковых совершенно не затронуло концевых тыльных пластин. Тем не менее, совмещая в себе признаки сразу двух технологий, клин-ярский лук по своей сути уже экспериментален и гибриден.

Вторая линия эволюции «тюрко-казарских» луков представлена конструкцией из погребения кургана 34 могильника Сидоров Михайловского р-на Волгоградской обл. (рис.5, 1–4) (Круглов, 2003 б; в). Это погребение относится к рубежу VII–VIII вв. и отличается от обряда захоронений как сивашовского, так и соколовского типов. Примечательно то, что здесь были найдены роговая поясная пряжка и специфический лепной плоскостенный горшок, идентичный узкогорлым вазообразным сосудам из древнетюркских поминальных оград, исследованных на Алтае близ Макажан и Юстыда. Эта форма глиняной посуды считается характерной также и для когельской культуры Тувы (Кубарев, Жупареева, 1998. С.23–31. Рис.1, 3–4). Остатки лука представлены во фрагментах, часть которых ныне утрачена. Обломки срединных боковых пластин имеют размеры 11,8х3,2 и 10,2х3,1 см. Возможно, они были обломаны не случайно, а общая длина рукояти здесь также не превышала 20–21 см, но проверить это совмещением пластин не удалось. Из двух жестких прямых концевых тыльных клиновидных накладок полностью сохранилась лишь одна. Размеры этой пластины 28,3х0,9–2,3х0,25 см. На ее лицевой поверхности выявлено граффити. Край и боковая грань срединных боковых накладок, широкий плечевой край концевой тыльной клиновидной пластины покрыты сегчатými насечками. Край накладок приподнят на 0,1 см относительно центра. Вместо концевых боковых в конструкции использована концевая передняя накладка типа «чезнок» с поперечным вырезом для тетивы. Подобные

** Признателен за определение типа лука Л.М.Носковой (Музей Восточных культур, г. Москва).

пластины А.М.Савин и А.И.Семенов считали характерными исключительно для «салтовских» вариантов II технологии. Ее обнаружение в конструкции оружия I технологии при досалтовской дате самого памятника только подтверждает эволюционный характер данного лука. Примечательно наличие отверстий близ узкого края на жесткой концевой тыльной накладке. Их существование можно объяснить только экспериментальностью самой конструкции. Замена концевые боковые накладки фронтальными, мастера еще не были уверены в их прочности.

Третья линия технологического развития «тюрко-хазарских» луков представлена оружием с одними срединными накладками. Хотя три конструкции (Виноградное, 35; Красногоровка III, 14/2; Новинки II, 17) были обнаружены в потревоженных или ритуально разрушенных еще в древности памятниках, отсутствие концевых боковых пластин в двух других (Жирноклевский, 6 и Старица, 7/8) сомнений не вызывает. Хотя в Жирноклевском местоположение накладок во время раскопок не было задокументировано, сам памятник не потревожен (Крушов, 2003 г.). В Старице вместо определенных автором отчета в качестве концевых (Шилов, 1960. С.48) на фото вместе с трапециевидной срединной боковой пластиной изображены фрагменты тыльной срединной накладки. Пластины из Виноградного, 35; Красногоровки III и Старицы определяются в качестве более ранних, а пластины из Жирноклевского и Новинки II, 17 в качестве более поздних. Накладки из Новинки II, 17 (рис.5, 5-7) иллюстрируют систему крепления предположительно укороченных роговых пластин. При сохранившихся размерах 9,7x3,0 и 13,4x3,0 см общая длина рукояти уверенно реконструируется в 20-21 см. Особенности конструкции этого лука (длина рукояти, отсутствие концевых боковых и тыльной срединной) позволяют отнести комплекс к рубежу VII-VIII вв. Инвентарь кенотафа из Жирноклевского также датируется рубежом VII-VIII вв. (Крушов, 2003 г.). От сложностоватого лука в комплексе сохранились три роговые срединные накладки, две из них были боковыми (11,5x3,0 и 16,5x3,0 см), а третья (10,0x1,1 см) - тыльной (рис.6, 1-3). Оба края одной боковой накладки и один конец второй обломаны. Передние грани этих пластин выгнуты, задние имеют вырез для тыльной. Отсутствие перехрестной насечки на ее боковых гранях свидетельствует о том, что пластина накладывалась на горцевые срезы срединных боковых и кибить. Покрытые насечками края лицевых сторон боковых накладок были приподняты относительно центра на 0,1-0,2 см. Длина рукояти - около 20 см. Единственно возможное направление дальнейшей модификации такого оружия могло идти только по линии изменения самой технологии.

Это подтвердила конструкция из погребения в кургане 27 могильника Керчик Октябрьского р-на Ростовской области (рис.6, 4-7) (Савин, Семенов, 1999. С.27-29). Тожественная жирноклевской, она изготовлена по принципам «хазарской» технологии. Боковые срединные накладки этого лука

покрыты по краям точно такой же сетчатой насечкой. Но сами края на 0,2-0,3 см были углублены относительно центра и отделены от него резким горизонтальным уступом. Тыльная срединная пластина-вкладыш, судя по насечкам на ее гранях, зажималась оборотными сторонами боковых накладок. Небольшие размеры (6,4x0,8 см) позволяют видеть в этой пластине простой рудиментальный остаток прежней технологии. Показательно сохранение срединными боковыми пластинами размеров наиболее поздних «тюрко-хазарских» луков. Оружие из Керчика является важной переходной формой на пути прямой эволюционной трансформации «тюрко-хазарских» луков в «хазарские». Накопление конструктивных изменений скачкообразно перешло в совершенно новое технологическое качество. При зеркально различающихся характеристиках лука из Жирноклевского и Керчика близки друг другу более, чем любым иным вариантам оружия своих типов. Поскольку погребенный из Керчика умер в возрасте 50 лет, а время изготовления этого типа лука может быть определено не ранее начала VIII в., время совершения захоронения следует относить к началу второй четверти VIII в.

Справедливости ради надо отметить, что А.М.Савин и А.И.Семенов были довольно близки к признанию существования переходных типов луков. Исследователи отмечали, что остатки луков из Новинки II, 17, Шиловки, 1/2 и Брусня II, 16/6 сочетают признаки как «гунно-болгарских» («тюрко-хазарских» или «раннехазарских», по моей терминологии), так и «хазарских» луков. Однако, находясь под влиянием исторических взглядов Й.Вернера (Вернер, 1988), существование таких форм они, к сожалению, не смогли правильно объяснить. Сначала исследователи просто признали, что им не удалось классифицировать оружие из перечисленных памятников (Савин, Семенов, 1995. С.76). Позже обкладки из Шиловки, 1/2 они все же связали с наиболее ранними луками «хазарской» технологии (Савин, Семенов, 1999. С.27), что сразу же явно вступило в противоречие с болгарской этнической интерпретацией, предложенной для данного комплекса авторами раскопок (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С.169). На клубок подобных противоречий в концепции А.М.Савина и А.И.Семенова недавно обратил внимание А.В.Комар: «Если все это не эволюция, то что?» (Комар, 2001. С.25). Он уверенно обосновал соответствие облоков погребений из Шиловки с вознесенским хронологическим горизонтом (705-725-е гг.) и их хазарскую этнокультурную принадлежность (Комар, 2001. С.22-30).

Лук из Шиловки, 1/2 (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 222-223, табл.Х, 5; XI, 1-4) издан без необходимых для его точного определения продольно-поперечных сечений и пока, к сожалению, не вполне понятен*. Если обломок срединной

* Приписанные этому луку длинные тонкие, но слишком узкие (26,6x5,7 см) обломки (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С.223, табл. XI, 5), являются непознанными обломками селта.

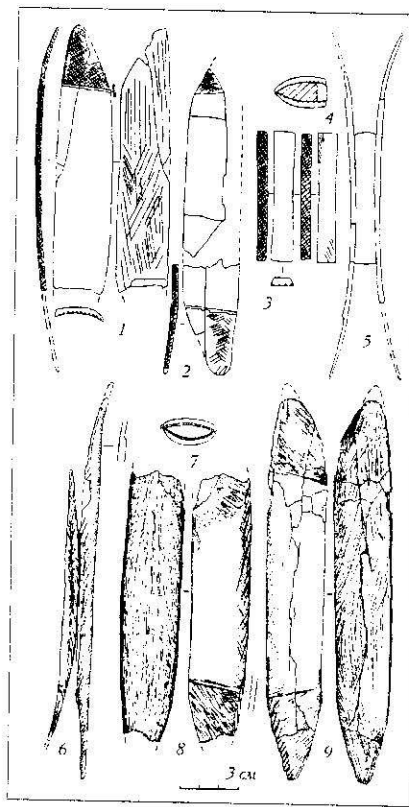

Рис.7. Накладки сложностоватых луков: 1-5 - Дубинки, к.2; 6-9 - Котельниково II 10

тыльной пластины отсутствием сетчатых насечек на боковых гранях сохраняет особенности «тюрко-хазарской» технологии, то размеры срединных боковых (16,2x2,2 см) сопоставимы с «хазарской», хотя подобное соотношение длины и ширины более характерно для оружия середины VIII в. Примечательно отсутствие концевых боковых пластин и большая длина ассиметричных концевых тыльных (21 и 24 см), что характерно только для переходных форм рубежа VII-VIII вв.

Количество переходных и гибридных экземпляров раннесредневековых луков в реальной действительности может быть гораздо более значительным. При отсутствии полного комплекта наклеек уверенно различать технологии многих луков без личного ознакомления затруднительно. Возможно полноценное изучение только тех экземпляров, которые изображены на иллюстрациях максимально приближенно к натуральной величине.

с предельно возможным числом продольных и поперечных сечений и профилей, с подробной характеристикой всех основных конструктивных особенностей (Савин, Семенов, 1995. С.74, 77).

Появившись, «хазарская» технология непрерывно эволюционировала. Отсутствие жестких концевых боковых накладок, наличие срединных тыльных вставок-вкладышей и массивности срединных боковых (размеры 16-21x2,6-3,0 см) исследователи (Савин, Семенов, 1999. С.27) считали характерной особенностью наиболее ранних вариантов луков II технологии (II-A-1 и II-A-2, рис.7). Другой устойчивой формой были луки со срединными боковыми и тыльными концевыми пластинами (II-A-3, рис.8, 6-7). Монеты 695-705 гг. из Саловского IV, 2/1 датируют это оружие второй четвертью VIII в. Отсутствие жестких концевых боковых пластин у всех этих луков может объясняться их изготовлением из несохраняющихся материалов, например из мягкого бычьего рога. Дальнейшая эволюция оружия шла не только по линии полного отказа от использования срединных фронтальных пластин и уменьшения длины рукояти до 13 см, но и возрождения в новой специфической форме традиции использования жестких концевых боковых накладок, как правило, сочетающихся с концевыми тыльными (II-B-1a и II-B-2a, рис.8, 1-5, 8-13). Погребения с подобными луками сопровождаются монетами 717-761 гг. и датируются серединой - второй половиной VIII в.

Признание непрерывного эволюционного развития двух основных технологий изготовления сложностоватых луков Восточной Европы хазарского времени (рис.9) устраняет противоречия схемы А.М.Савина и А.И.Семенова. Прямая генетическая взаимосвязь основных форм «тюрко-хазарской» и «хазарского» типов сложностоватых луков предполагает развитие их обоих в одной культурной среде. Ею мог быть только Хазарский каганат, что делает сохраняющиеся от этого оружия роговые накладки важнейшим хронологическим репером VII-VIII вв. Надо подгадать, что смена технологий не связана напрямую с этническими процессами, а была вызвана объективными причинами военно-экономического характера. Одной из основных была необходимость совершенствования военной доктрины Хазарского каганата в период резкого обострения арабо-хазарских отношений. Поиск оптимальных форм наиболее распространенного у кочевников вида оружия мог быть обусловлен необходимостью изменения дистанции стрельбы и общим повышением роли лука в борьбе с противником, защищенным панцирем (Худяков, 1986. С.123).

Большинство переходных луков, одновременно сочетающих признаки обеих технологий, обнаружены в захоронениях, характеризующихся особенностями как сивашовского, так и соколовского погребального обряда. Поэтому прямая эволюция «тюрко-хазарской» и «хазарской» технологий изготовления сложностоватых луков есть одно из конкретных археологических указаний на то, что уверенно связываемые с хазарами памятники

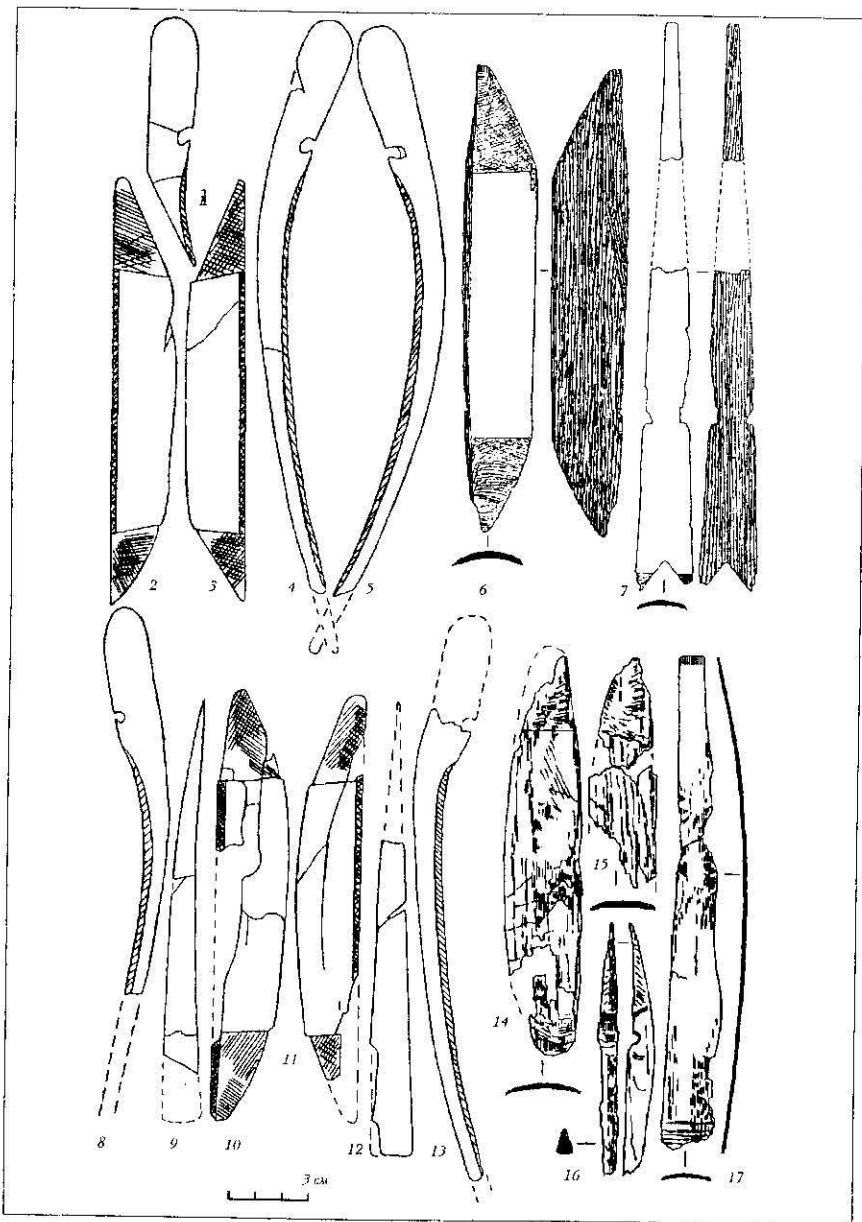

Рис. 8. Накладки сложносоставных луков:
1-5 – Нововансайский, к.28; 6-7 – Саловский IV, к.2;
8-13 – Нововансайский, к.13; 14-17 – Дмитриевский, катакомба 106

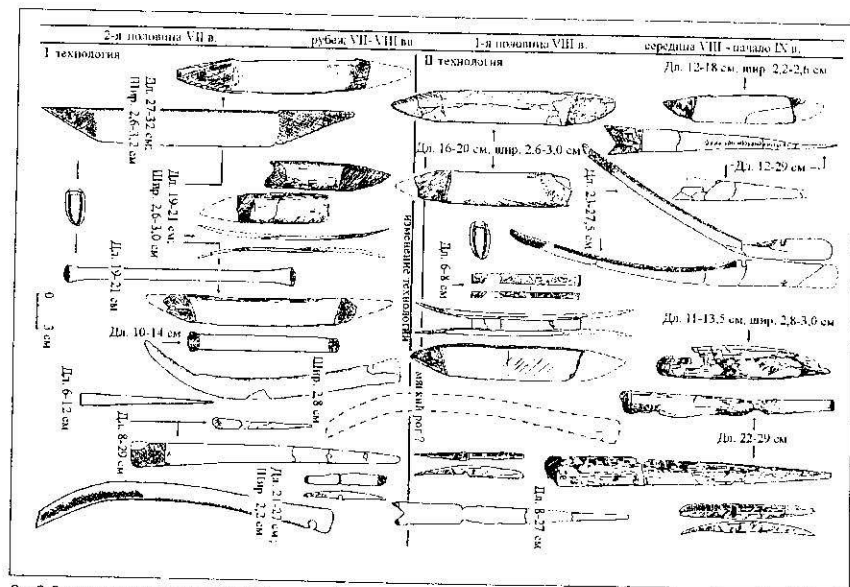

Рис. 9. Эволюция накладок сложносоставных луков Восточной Европы второй половины VII – начала IX в.

типа Соколовской балки не появляются в готовом виде, а формируются на основе памятников сивашовского типа, составляя с ними два последовательных хронологических горизонта одной культуры. Процесс перехода от одного ее варианта к

другому приходится на самый конец VII – первую четверть VIII в. Научение других важных элементов этого периода (погребальный обряд, керамика, украшения) выходит за рамки настоящего исследования.

Литература

- Бадзулдиков Р.С., Войгачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге. Самара.
- Вернер Й., 1988. Погребальная находка от Малая Перешепина и Кубрат-хан на болгарите. София.
- Гадзо А.В., 1985. Отражение социальной борьбы внутри хазарского племенного объединения VII в. в памятниках «Еврейско-хазарской переписки» // *Железные и развитые феодализма в России*. Л.
- Гадзо А.В., 1986. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // *Вестник ЛГУ. Серия. 2*. Вып.1.
- Засекина И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V в.). СПб.
- Кожимбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987. Комплекс вооружения кенкского воина // *Военное дело древнего населения Северной Азии*. Новосибирск.
- Камар А.В., 1999. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita Antiqua*. Київ. Т.2.
- Камар А.В., 2001. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шловских курганов // *Степи Европы и эпоха средневековья*. Донецк. Т.2.
- Крушов Е.В., 1991. К проблеме выделения раннехазарских памятников // VIII конференция профессорско-преподавательского состава ВолГУ. Волгоград.
- Крушов Е.В., 1992 а. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // *Вопросы этнической истории Волго-Донья*. Пенза.
- Крушов Е.В., 1992 б. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // *Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды»*. Волгоград.
- Крушов Е.В., 1992 в. К проблеме выделения этнокультурной атрибуции раннехазарских археологических памятников // *Востоковедение в Башкортостане: история, культура*. Уфа. Т.2.
- Крушов Е.В., 2002. Хазары – история только начинается // *Хазары. Второй Международный colloquium*. М.
- Крушов Е.В., 2003 а. Сложные луки Восточной Европы раннего средневековья // *Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А.Городцова в Государственном Историческом музее*. Тезисы докладов. М. Ч. II.

- Крушов Е.В.*, 2003 б. Сложностовные луки раннехазарского времени // Древности. Харьков.
- Крушов Е.В.*, 2003 в. Погребение раннехазарского времени у с. Сидоры // [Самара. В печати].
- Крушов Е.В.*, 2003 г. Раннесредневековый кенотаф у х. Жирнокожесский // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 2. Ростов-на-Дону.
- Кубарев Г.В., Журавлева А.Д.*, 1998. Древнетюркская керамика Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. Вып. 3.
- Матвеева Г.Н.*, 1997. Могильники ранних болгар на Самарской луке. Самара.
- Мыськов Е.П.*, 1993. Погребения кочевников IX-XI вв. на Ахтубе // Древности Волго-Донских степей. Волгоград. Вып. 3.
- Плетнева С.А.*, 1999. Очерки хазарской археологии. Москва-Иерусалим.
- Пудровский А.Е., Зайцев Ю.П., Пенев И.Н.*, 1999. Погребение воина гуноского времени на Усть-Альминском могильнике // Херсонесский сборник. Севастополь. Вып. X.
- Савин А.М., Семенов А.Н.*, 1989. К типологии раннесредневековых луков Прикубанья // I Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Савин А.М., Семенов А.Н.*, 1990. К реконструкции лука хазарского времени // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск.
- Савин А.М., Семенов А.Н.*, 1991. Две обкладки луков раннеболгарского периода // Болгаристика в системе общественных наук. Харьков.
- Савин А.М., Семенов А.Н.*, 1992 а. Кудыргинские луки // Проблемы сохранения, изучения и использования памятников археологии. Горно-Алтайск.
- Савин А.М., Семенов А.Н.*, 1992 б. Реконструкция Шестовицкого лука // Архитектуры та археології старожитності Чернігівщини Чернігов. 1992 в.
- Савин А.М., Семенов А.Н.*, 1992 в. Средневековый лук из находки на р. Тогове (по материалам архива М И Презюова) // Северная Европа от древности до средневековья. К 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб.
- Савин А.М., Семенов А.Н.*, 1995. К методике изучения и публикации средневековых кочевнических луков // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Савин А.М., Семенов А.Н.*, 1997. Забытые, неопознанные и незамеченные луки гуно-болгарского типа // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков.
- Савин А.М., Семенов А.Н.*, 1998. О центральноазиатских истоках лука хазарского типа // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.
- Савин А.М., Семенов А.Н.*, 1999. Лук хазарского времени из могильника Керчик, курган 27 // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Азов. Вып. 1.
- Семенов А.Н.*, 1988. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 29.
- Семенов А.Н.*, 1996. Луки Верхнего Чир Юрта: проблемы культурной атрибуции // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: XIX Крупновские чтения. М.
- Синицын Н.В.*, 1954. Археологические памятники в низовьях реки Иловли // Уч. зап. СГУ. Саратов. Т. XXXIX. Вып. исторический.
- Скворцов П.Б.*, 1999. Отчет об охранных археологических раскопках в Николаевском и Урюпинском районах Волгоградской области в 1999 году // Архив ВОКМ. Д. №149.
- Флерта В.С.*, 2000. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII вв.: обряд обезвреживания погребенных. М.
- Флерта В.С.*, 2000. Лук из катакомбы №29 могильника Клиш-Яр III // В.С.Флерта. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII вв.: обряд обезвреживания погребенных. М.
- Худяков Ю.С.*, 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Шалов В.П.*, 1960. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1960 г. // Архив ВОКМ. Д. №10.